

НЕВЕСТА КНЯЗЯ ТЬМЫ

Марина
Романова

Марина
Грицанова

НЕВЕСТА КНЯЗЯ ТЬМЫ

TREND
BOOKS

ПРОЛОГ

НЕСМОТРЯ НА ЯСНОЕ солнечное утро, в комнате царила полумрак. Внутрь дорого обставленного кабинета сквозь плотно задернутые шторы проникали лишь жалкие отблески света. Воздух казался тяжелым, словно помещение давно не проветривалось. Эдвард Ро был заложником своих привычек, и его кабинет давно впитал в себя все запахи любимых сердцу вещей, преобразовав их в некую атмосферу, которая царила там, где проводил большую часть дня этот мужчина.

— Эдвард, — тихий женский голос нес в себе умоляющие нотки, — прошу тебя, одумайся! Умоляю! — Женщине не удалось подавить тяжелый вздох.

Сейчас Патриссия Ро, светская львица Роаны, всегда безупречная с головы до ног, выглядела как-то по-особенному жалкой. Ее годами вышколенная осанка словно не выдержала того бремени, что на нее свалили, согнув женщину точно древнюю старуху. В уголках губ вдруг показались глубокие морщины, обозначившие всю степень ее отчаяния. Она, как и всегда, сидела на краешке стула, вот только совсем не выглядела той, кем ее привыкли считать все вокруг. От безупречной стервы не осталось и следа.

— Мама права. — Глубокий голос, уже давно не принадлежавший юноше, внезапно придал сил Патриссии, и она резко выпрямилась, прямо взглянув в глаза нежданному соратнику. — Лиз не создана для того, во что ты хочешь ее втянуть.

— Не слушаешь меня, так прислушайся хотя бы к Алану! Он твой сын и...

— Довольно, — оборвал отец семейства.

Весь вид Эдварда Ро говорил о том, что он не тот человек, который станет терпеть возражения. Несмотря на то что мужчина разменял уже шестой десяток, на вид ему было лишь немногим за тридцать. Широкоплечий и высокий, с идеально уложенными русыми волосами, ясно-голубыми глазами, прямым носом и волевым подбородком. Все это вкупе так хорошо подчеркивало качества этого мужчины, а именно его упрямство и решительность.

Эдвард небрежно достал из кармана жилета золотые часы, точно показывая собеседникам, что лишь тратит на них время, и тут же, убрав их обратно, посмотрел на Патриссию.

— Не смей настраивать против меня моих детей, — почти прорычал он. — То, что я делаю, — всегда для их же блага.

Нижняя губа женщины предательски задрожала, а на глаза сами собой навернулись слезы. Она привыкла быть сильной. В их обществе нельзя было по-другому. Ее побаивались в высших кругах Роаны. Любой, кто выходил в свет, уже знал, что с Патриссией Ро нужно дружить. Но только перед этим мужчиной вся ее сила и стойкость превращались в прах. Ей никогда не победить его.

— Разве тебе недостаточно Джесси и Алана? — тихо спросила она. — Они твои сыновья и однажды станут опорой семьи. Ты же видишь их потенциал...

Похоже, этот разговор изрядно потрепал нервы хозяину кабинета. Не выдержав, Эдвард с силой ударил открытой ладонью по столешнице и зло посмотрел на супругу. Женщина вздрогнула так, точно под его ладонью оказалась ее щека.

— Тебе прекрасно известно, чем именно меня не устраивает Джесси, — сквозь сжатые зубы почти прорычал он. — Что ты понимаешь в некромантии? А?

Твой удел таскаться на бесконечные приемы, улыбаться всем подряд и не усложнять мне жизнь! Много ли я прошу?! Лесса! — крикнул он, в то время как Патриссия с силой сжала кулаки.

— Можем мы хотя бы сейчас обойтись без ее присутствия? — зло прошипела она, не в силах сдержать гнев. — Это мои дети! Их мать все еще я, а не эта тварь...

— Предупреждаю тебя, Пати, еще одно слово... — как-то по-особенному вкрадчиво сказал Эдвард, взглянув на женщину исподлобья. — Тебе стоит не забывать благодарить эту, как ты выразилась, тварь, — многозначительно посмотрел он на жену.

Этот взгляд она знала, как знала и то, что за ним последует. Казалось, она не боится никого в этом мире, но стоит ему так посмотреть... и прежней Патриссии уже не остается. Она просто та, кто не смеет ослушаться. Ничтожество у его ног. Как же она ненавидела себя за малодушие и страх. Как же ненавидела его за то, во что он ее превратил!

Тем временем дверь в кабинет отворилась, и внутрь вошла, без сомнений, самая роскошная женщина Роны. На первый взгляд, она была одета скромно, как и полагалось личному помощнику: наглухо закрытая белая блузка с высоким воротником, черный жилет и простая юбка в тон. Но женщина шла, и казалось, словно с каждым шагом наряд на ней становится все порочнее и откровеннее, пробуждая в окружающих самые сокровенные желания. Волосы, собранные в простой пучок, обычная фигура и совершенно непримечательное лицо вдруг становились самыми привлекательными, желанными.

Патриссия видела, как ее муж смотрит на эту женщину, и даже спустя столько лет ей было тяжело принять это. Их связь до сих пор не давала покоя ее душе. То, с чем она должна была мириться все эти годы, уничтожило все настоящие чувства к некогда люби-

мому мужчине. Тем временем Лесса маняще улыbnулась, точно, кроме нее и Эдварда, в комнате никого не было. Пати отметила, с каким вожделением ее супруг смотрит в ответ. На нее он никогда не глядел так. Она всегда была для него лишь... инкубатором.

Девушка подошла к Эдварду и тут же легко поцеловала его в губы, присев на подлокотник кресла.

— Ты звал меня? — прошептала она.

Эдвард плотоядно улыbnулся в ответ и заговорил:

— Однажды, Пати, я был на месте Лиз. — Он взглянул сперва на жену, а потом и на сына. — И моему отцу предстояло сделать выбор: кем будет его ребенок? Наш род первый среди некромантов королевства не потому, что у нас рождаются особенные дети, а потому, что, даже если они совершенно обычные, мы знаем, как сделать их особенными, понимаешь? Даже если наш ребенок по какой-то причине не способен жить, настоящий Ро сумеет найти способ вдохнуть в него жизнь.

Говоря эти слова, Эдвард взглядом ласкал женщину, что сидела перед ним, а его широкая ладонь без всякого стеснения скользила по изгибам ее тела. Он встал из-за стола и подошел к окну, чуть отведя штору. Где-то там, внизу, точно в другом мире, сотканном из детства и солнца, бегали босиком по зеленой траве двое детей. Даже не зная, что они двойняшки, было понятно, что они родные брат и сестра: Джесси, который родился с сильнейшим даром к некромантии и умел улыбаться лишь рядом с сестрой, и Лизи — просто девочка, которая, точно маленькое солнышко, готова была согреть брата в лучах своей улыбки столько, сколько было необходимо, лишь бы он улыbnулся в ответ.

И никто в целом свете, кроме четверых собравшихся в кабинете семьи потомственных некромантов, не знал, какие скелеты хранятся в шкафах благородного рода Ро.

ГЛАВА 1

КАКИМИ ТРОПАМИ приходится брести, чтобы однажды найти свое счастье? У кого-то они ровные и незатейливые, кто-то просто получает от жизни все, что захочет. А кому-то приходится идти долго и мучительно, не разбирая дороги, босиком по битому стеклу. И сколько бы ты ни шел, это вовсе не гарантирует тебе счастливый финал.

Когда я думаю об этом, то убеждаюсь, что принадлежу именно к последней категории. Не то чтобы я была склонна к излишнему драматизму, но... К чему придумывать и приукрашивать, если моя жизнь, которая начиналась как ясное летнее утро, где, казалось, было все для прекрасного солнечного дня, вдруг превратилась в промозглый осенний вечер?

Нет ничего хуже, чем надеяться на воплощение сказки в реальность. Несбывшиеся мечты — вот то, что убивает в нас веру в добро. Когда-то я верила, что они помогут мне найти себя. Глупая! Именно их осколки изрезали все внутри так, что я больше не вижу снов.

Думаю, стоит начать с истоков, чтобы понять, о чем именно я говорю. Вернуться туда, где я, все еще беззаботная, излишне наивная и совершенно ничего не понимающая в жизни, просто принимала этот мир как нечто само собой разумеющееся. Там было куда больше смысла, чем осталось теперь...

Средняя школа Блэквуд, королевство Роана

— Чего уставилась, Джустина? А? Это ты надежда Роаны, будущий великий некромант?! А по-моему, ты больше похож на придурка!

Я слышала голоса ненавистной мне шайки ребят, пока бежала по извилистым тропам школьного парка. И, к сожалению, я знала, кого именно они задирают сейчас. Мой брат действительно родился с огромным потенциалом. Это знали все. Отец возлагал на него большие надежды и не стеснялся при любом удобном случае об этом упоминать. На самом деле моего брата звали Джастин, а в семье просто Джесси. Правда, было кое-что еще, что выделяло его как будущего одаренного в некромантии: Джесси имел определенные странности. Он сторонился людей. Не любил начинать разговор или поддерживать беседу. Ребята считали, что он не от мира сего. Что ж, пожалуй, для них он таким и был. То ли дело я — суцная бездарность и по воле судьбы вынужденный телохранитель для того, кто был для меня самым родным на свете. Отец говорил, что по мере развития дара Джесси станет другим. Оставалось только надеяться, что так и будет, прежде всего ради самого брата. Ему было действительно тяжело взаимодействовать с окружающим миром.

— Отвали от него, Брайан! — заорала я, не успев толком вынырнуть из кустов.

Этой весной нам с Джесси исполнилось по пятнадцать лет. И, как любая девушка, я сильно прибавила в росте, в отличие от своих одноклассников и брата.

— О, Джустина, смотри, твоя спасительница тут как тут! Жду не дождусь, когда ты поступишь в академию, куда бездарностям ход заказан, — с вызовом посмотрел на меня этот ненавистный рыжий мерзавец.

Брайан Верто и пятеро его дружков окружили Джесси, прижав его спиной к стволу дерева. Брат никогда не кричал и не отбивался от них. На первый

взгляд он казался совершенно потерянным и забитым, но я знала, как тяжело ему дается общение с окружающими. Еще тяжелее ему было выражать свои эмоции, и неважно, гнев, обиду или радость. Он просто стоял, молча снося все насмешки, впериw взгляд в землю. Благодаря нашей связи близнецов я чувствовала отголоски его боли, ярости, желания дать отпор. Но все это будто клубилось под тончайшей и совершенно непроницаемой оболочкой его тела. Это было ужасно! В такие моменты именно я находила выход для этих чувств, пропуская их сквозь себя.

— А ты доживешь до академии-то? — зло бросила я, и взгляд сам собой упал на ближайшие кусты и торчащую из них засохшую палку.

Недолго думая, я схватила ее и дернула на себя. То, что палка подалась, было неожиданно, как и то, что я, размахивая ею во все стороны, ринулась вперед.

— Кто из вас еще мужик?! А, Джести...

Договорить он не успел. Коряга, точно импровизированная булава, выполнила свою функцию, попав рыжему аккурат по подбородку, заставив прикусить язык и завить. Брайан упал на колени, в то время как остальные ребята бросились наутек.

— Можешь считать, что я! — бросила я, стоя над телом поверженного врага и беря брата за руку.

Ладонь Джесси была ледяной. Я чувствовала, в какой ярости он сейчас находился, и знала, насколько ему тяжело. То, что другие расценивали как слабость и повод причинить ему боль, было тем, с чем он ничего не мог поделать. Наш отец говорил, что это нормально, что с раскрытием способностей Джесси сможет преодолеть это. Но... пока мы имели то, что имели, и нам приходилось с этим жить.

— Идем отсюда, — потянула я его на себя, уводя подальше от негодаев, которых вряд ли когда-нибудь смогу простить.

Так проходило наше детство, сколько я себя помню. Гениальный Джесси и бездарная Лизи. А по факту мальчик, который не мог постоять за себя, и девочка, которая так любила его, что должна была сражаться с целым миром, чтобы защитит.

— Каков мерзавец! — причитала я, когда мы возвращались домой из школы. — Не могу понять, что у него в голове. Зачем он это делает?

Путь наш пролегал через улицу Роз, где собиралась вся творческая молодежь Роаны. Эта совсем неширокая, но уютная улочка порой превращалась в настоящий музей под открытым небом или внезапно развернувшийся театр, смотря к какому событию было приурочено собрание завсегдатаев. Иногда это весьма затрудняло дорогу домой к ужину, поскольку мы могли часами разглядывать очередные творения художников, актеров, музыкантов. Но только не в этот день.

— Он не виноват, что я жертва, — вдруг сказал Джесси, посмотрев на меня так, что стало не по себе.

Его взгляд уже тогда был не по-детски взрослым и порой пугающим.

— Не смей так говорить, — с силой сжав его руку, сказала я. — Как только попадешь в академию и твоим даром займутся профессионалы, то сможешь... — нахмурилась я, подбирая слова. — Разбираться с подобным сам.

Произнеся это, я вдруг поняла, что прозвучало как-то не очень.

Джесси лишь тяжело вздохнул и, не дожидаясь, пока я продолжу, потянул меня вперед, уходя со столь любимой нами улицы.

— Ты тоже могла бы поступить в академию вместе со мной, — сказал он, взглянув на меня исподлобья.

— Да брось, — отмахнулась я, натянуто улыбнувшись. — Какая уж тут академия, — покачала я головой. — И потом, я уже говорила с дядей. Он сказал,

что скоро придет материалы, чтобы я могла начать готовиться к поступлению в колледж. Представляешь, я смогу начать работать раньше тебя!

— Это я в состоянии представить, но вот выбор профессии как-то не вяжется...

— О боже! — воскликнула я, замерев напротив стеклянной витрины обувного магазина мисс Лавин. — Только взгляни, какая прелесть! — запищала я и ринулась вперед, уперев лоб в стекло и с жадностью всматриваясь в самые прекрасные, удивительные, необыкновенные, утонченные, изысканные, роскошные...

Я могла продолжать бесконечно, но тут вдруг стал разговорчивым мой брат:

— Что за уродские фиолетовые копыта?

— Тебе лучше взять свои слова обратно, Джастин Ро. — Холоднее моего голоса в тот момент мог быть только лед.

Я не прощала окружающим лишь две вещи. Первое: когда кто-то задирает Джесси. Второе: когда кто-то задирает туфли, которые нравились мне!

— Ладно, — усмехнулся он, прекрасно понимая, что мы еще немного задержимся здесь.

Ничто не делало этот день необычным или особенным. Все было как всегда: ненавистная школа, в которой единственное, что у нас хорошо получалось, — это учиться; постоянные баталии с теми, кто желал унижить наследника знатного рода; прогулка до дома. И коли уж сегодня никто из художников не желал выставлять свои работы, то я с удовольствием смотрела на последнюю модель женских туфель от мисс Лавин. Они были сделаны из бархатистой сиреневой замши, с изящным острым носиком и тонким каблукчком... Джесси привычно бурчал, что страшнее в жизни ничего не видел, но что он понимал, когда лучи заходящего солнца отражались от стекла витрины, заставляя

материал туфель играть такими удивительными переливами! Я любила яркие, ни на что не похожие вещи. Конечно, многие считали, что это верный признак отсутствия вкуса. Но в семье некромантов Ро это был единственный способ хоть как-то раскрасить жизнь...

Этой ночью я проснулась от резкой боли в животе. Казалось, кто-то просто вырвал все внутренности и поджег их. Эта боль была ослепляющей. Все мои попытки позвать кого-нибудь на помощь, закричать или встать с постели не увенчались успехом. Тело скрутил такой ужасающий спазм, что стало не по себе. Я часто-часто задышала, из глаз потекли слезы. Я попыталась хотя бы сползти с кровати, но вместо этого просто упала на пол. Пожалуй, последнее, что я запомнила в эту ночь, — это скрип отворившейся двери в мою спальню и голос мамы, которая что-то кричала.

Сколько времени прошло, прежде чем я смогла вновь открыть глаза? Казалось, все смешалось в каком-то аляповатом, жарком вихре, где вдруг ожили самые нелепые видения и абсурдные мысли. Мне грезился наш дом, где все перевернулось вверх дном. Снился мой старший брат Алан, который ходил по потолку в сиреневых туфлях из лавки мисс Лавин и танцевал какой-то донельзя порочный танец с тростью. Отец довольно улыбался, стоя у изголовья моей постели, и улыбка его была столь зловещей и пугающей, что становилось не по себе. Будто демоны из Священного Писания обрели плоть, проступившую сквозь черты отцовского лица. Весь его образ ужасал.

— Кровь от крови моей, Лизи, теперь ты всем покажешь, кто такие некроманты рода Ро.

Его шепот точно рисовал морозные узоры на коже. От каждого произнесенного им слова становилось холодно и жутко.

— Посмотрим, какой великий не сможет противостоять солнцу твоей души...

— Уверяю тебя, Эдвард, за ней придет сам князь, по-другому и быть не может, — отвечал нежный голос его личной помощницы, которая фривольно трогала отца, совершенно меня не стесняясь.

В этом кошмарном вихре видений мне чудилось, как отец целуется со своей секретаршей. Это было так откровенно и отвратительно, что меня, кажется, вырвало... Виделась моя вечно холодная и неэмоциональная мать, которая рыдала, сидя рядом со мной. Она обещала защитить меня, чего бы ей это ни стоило. То и дело всплывали ненавистные лица Брайана Верто и его шайки. Они противно хихикали и грозили мне пальцем. А потом, когда вдруг все смешалось, закрутив меня в цветной карусели образов и видений, которая, казалось, уже никогда не остановится, моей руки коснулась ледяная ладонь брата.

— Не бойся меня, — вдруг прошептал он, посмотрев на меня своими ясно-голубыми глазами.

— Я тебя не боюсь, — покачала я головой и несмело улыбнулась.

Что это с ним? С чего бы мне его бояться?

— Ты принимаешь меня?

Он нес какую-то околесицу.

— Конечно. О чем ты говоришь? — пролепетала я.

— Хочу услышать твое «да», — прошептал он.

— Да, — не задумываясь ответила я.

Тогда его светлые волосы вдруг стали черными как вороново крыло, и, казалось, даже цвет глаз приобрел оттенок самой темной ночи, в которой плескались кровавые отблески...

Эти кроваво-черные глаза еще долго преследовали меня в беспамятстве. Казалось, я сидела в темной пустой комнате, где не было ни единого источника света, и лишь невероятной черноты глаза не давали мне быть одинокой.

ГЛАВА 2

Я ПРИШЛА В СЕБЯ, зажмурившись от яркого солнца, свет которого вдруг ударил по глазам. Характерный звук отдернутой шторы дал понять, что в комнате я не одна. Кто-то распахнул окно в моей спальне, и прохладный утренний ветерок тут же коснулся лица. Только сейчас я ощутила, как же здесь душно. Воздух казался спертым, словно никто не проветривал эту комнату несколько дней. Пахло свечами и ладаном, что было странно: ни того, ни другого у меня никогда не было.

— Ты очнулась? — Голос мамы казался немного встревоженным.

А то, что она тут же подошла к моей постели и присела рядом, выглядело чем-то из ряда вон, учитывая ее привычную отстраненность и холодность.

— Что со мной было? — Мой сиплый, слабый голос напугал меня саму. Горло саднило, и говорить было очень тяжело.

— Брюшной тиф, — сказала мама, поправляя мое одеяло. — Ты пролежала в бреду три дня. Доктор Милсон сказал, что кризис миновал. — Она говорила так, словно пыталась убедить в этом прежде всего себя.

— Правда? — попыталась я заглянуть ей в глаза, но она тут же отвела взгляд.

Я понятия не имела, что это за болезнь, но звучало довольно пугающе.

— Разве ты хоть раз уличала меня во лжи, юная леди?

Мама выглядела такой уставшей. На ее всегда ухоженном и моложавом лице залегли тени бессонных ночей. Правда, изящно уложенные волосы и платье по последней моде выглядели безупречно. Патриссия Ро никогда не позволяла себе небрежности во внешнем виде. Иногда казалось, что скорее небеса упадут на землю, чем мама разрешит лишней пряди выбиться из идеально уложенной прически.

— Пока ты болела, у нас кое-что произошло, — вновь заговорила она. — Конечно, это сущая мелочь, но, мне кажется, тебе следует знать, — закусила она губу.

— Что? — невольно нахмурившись, поинтересовалась я.

— Друг твоего отца из Осбурна погиб, и теперь у нас будет жить его сын, — быстро произнесла она. — Нет никакой нужды общаться с ним. Мальчик при жизни родителей был довольно проблемным, а теперь и вовсе, — покачала она головой.

— У отца был друг? — Мысль об этом меня поразила. — И он предложил кому-то помощь? — Это было еще более невероятно.

Почему-то показалось, что мама ожидала от меня какой-то другой реакции. Она несколько смутилась и бросила встревоженный взгляд на дверь. Несмотря на то, насколько влиятельным человеком был мой отец и какое положение занимала в обществе мать, наши двери открывались лишь по случаю необходимых мероприятий и приемов. У отца не было близких друзей, а у матери подруг. А если таковые где-то и были припрятаны, то в дом семьи Ро они никогда не входили. Мы жили замкнуто и воспитывались в строгости.

— Что в этом такого? — пробормотала она. И тут же невпопад предложила: — Завтрак?

Дверь в комнату приоткрылась, и вошел отец. Эдвард Ро, первый некромант Роаны и незаменимый че-